

нихъ утлыхъ приютахъ. Новый Свѣтъ на-
стываетъ на своемъ старшинствѣ въ этомъ
отношеніи и относитъ существованіе чело-
вѣка на своемъ материкѣ еще къ третич-
ному періоду жизни нашей планеты.

Въ доказательство этого приводятся не-
давно сдѣланныя разысканія и изслѣдова-
нія мѣсть стоянокъ и жилищъ первобыт-
ныхъ обитателей Америки. Ихъ особенно
много въ штатахъ Утахъ, Колорадо, Ари-
зона и Новой Мексикѣ. Профессоръ Фуль-
меръ изъ Чикаго произвелъ продолжитель-
ныя наблюденія надъ ними прошлымъ лѣ-
томъ. Жилища доисторическихъ людей со-
оружались здѣсь на горныхъ вершинахъ,
чаще всего на самомъ краю стремнинъ. До-
стиженіе этихъ жилищъ было чрезвычайно
и очевидно умышленно затруднено. Тропы,
ведущія къ нимъ и заросшія нынѣ вѣко-
выми деревьями, мѣстами такъ узки, что
даютъ возможность пройти только одному
человѣку, что представляетъ большое удоб-
ство для огражденія отъ всякаго нападенія.
Найдены слѣды того, что доисторическіе
люди имѣли въ распоряженіи своемъ стада
животныхъ и свои каменоломни, поста-
влявшія матерьялы для постройки сооруже-
ній. Одной изъ любопытнѣйшихъ находокъ
Фульмера была находка арсенала или кла-
довой доисторическихъ людей. Въ разсѣли-
нѣ скалы найдена пещера, доступъ въ ко-
торую кое-какъ возможенъ, гдѣ оказался
складъ луковъ и стрѣлъ, числомъ всего 187.
Нѣкоторые изъ нихъ были украшены изо-
браженіемъ ящерицъ и змѣй, сдѣланныхъ
яркими и еще сохранившимися красками.
Къ этому присоединялись каменные лопа-
ты, молотки, корзины и украшения изъ ра-
ковинъ. Открыты были жилища довольно
сложной конструкціи, шедшія повидному
тремя этажами, сообщеніе между которыми
происходило очевидно посредствомъ при-
ставныхъ лѣстницъ. Пола сдѣланы въ нихъ
изъ цѣльныхъ кедровыхъ бревенъ. Одно
изъ такихъ жилищъ защищено стѣною се-
ми футовъ вышины, для сооруженія кото-
рой потребовались камни такой величины,
что невольно недоумѣваешь, какъ перене-
сены они были туда первобытными люди-
ми, не имѣвшими никакихъ орудій, кромѣ
собственныхъ рукъ? Въ этой пещерѣ, ме-
жду двухъ камней, положенныхъ у входа,
найдены скелетъ человеческого существа,
повидному ребенка. Строеніе черепа и ли-
цевыхъ костей скелета, тщательно изслѣ-
дованное учеными, долго занимавшимися
этой находкой, послужило поводомъ къ за-
ключенію, что строители этого сооруженія
относились къ эпохѣ третичной. Въ скеле-
тѣ нашли значительныя отличія отъ скеле-
товъ брахицефаловъ послѣдующаго пе-
ріода, и Фульмеръ видитъ въ своей наход-
кѣ новое звено антропологической цѣпи,
связывающее (?) челоѣка съ *pithecanthropus*
erectus, представляющимъ остоѣ обезьяны.

Профессоръ Коль изъ Илинойса изслѣдо-
валъ громадное доисторическое обиталище,
самое обширное изъ доселѣ извѣстныхъ,
занимающее 140,000 квадратныхъ футовъ
и могущее приютить 25,000 челоѣкъ.
Тамъ найдены первобытныя ножи изъ за-
ржавленнаго металла, позволяющія отне-
сти жилище къ періоду, слѣдовавшему за ка-
меннымъ вѣкомъ. Но вопросъ въ томъ,
мѣстнаго ли происхожденія это орудіе, или
занесено сюда азиатскими народами и эс-
кимосами, наѣзжавшими въ Америку съ
запада въ незапамятныя времена, кото-
рымъ она извѣстна была много раньше от-
крытія ея европейцами. Очевидно впрочемъ,
что всѣ найденныя здѣсь предметы принадле-
жатъ людямъ гораздо болѣе поздняго пе-
ріода, чѣмъ тѣ, къ какимъ принадлежитъ
костякъ, найденный Фульмеромъ, и что въ
этихъ жилищахъ смѣшались обитатели мно-
гихъ эпохъ и поколѣній.

Описанныя находки — только начало
тѣхъ, какія возможны еще, изъ которыхъ
могутъ быть сдѣланы многіе выводы, любо-
пытные для таинственнаго вопроса про-
исхожденія расъ и прошлаго американска-
го материка.

•••
О сонетахъ Шекспира узнали впервые въ

КАРИНЫ ЗНАМЕНИТЫХЪ МАСТЕРОВЪ.

1. «ЛЮБОВНОЕ ПОСОЛЬСТВО». Съ картины Франса ванъ-Мириса Старшаго,
хранящейся въ Дрезденской галерей.

1598 г. О нихъ сообщилъ Фр. Мересъ, пе-
редавшій, что эти стихотворенія переходятъ
изъ рукъ въ руки между друзьями поэта.
Первое изданіе 154 сонетовъ вышло въ
1609 г., а въ 1641 г. — второе, гдѣ сонеты
раздѣлены были на группы. Послѣ того заб-
веніе покрывало имя Шекспира почти на цѣ-
лый вѣкъ. Когда драматургъ послѣ этого
забвенія вновь выпелъ на сцену, онъ вы-
шелъ за собою и лирика, автора «Венеры и
Адониса», «Лукреція» и «Сонетовъ». Но

сразу смутилъ всѣхъ подозрительный эле-
ментъ этихъ стиховъ, — любовныя пьесы,
обращенныя къ какому-то юношѣ. Издатели
XVIII вѣка смотрѣли на сонеты Шекспира,
гдѣ современный читатель находитъ самую
чистую суть его генія и его души, цвѣты
его дарственного пессимизма, такъ же, какъ
на сальности Катюла и Горация. Одинъ изъ
ислѣдователей Стенсенъ храбро исклю-
чилъ за собою и лирика, автора «Венеры и
Адониса», «Лукреція» и «Сонетовъ». Но

мента не заставитъ его восхищаться этими
пьесами.

Чальмерсъ старался увѣрить, что сонеты
обращены къ королеѣ Елисаветѣ, къ кото-
рой авторъ обращается въ мужскомъ родѣ,
какъ къ «правителю», заклиная ее выйти
замужъ (въ 65 лѣтъ!), чтобы передать по-
томству образъ своей красоты. Но эта гипо-
теза скоро была оставлена. Галлонъ опла-
киваетъ эти сонеты, восхищаясь ими; Гизо
переводилъ ихъ, краснѣя. Массей, чтобы
утѣшить поклонниковъ поэта, раздѣлилъ
всѣ сонеты на личные и драматическіе (гдѣ
выражены чувства, постороннія сердцу ав-
тора), писанные для другихъ лицъ. Эту
теорію не трудно было опровергнуть, что и
сдѣлалъ Вордсвортъ анализомъ сонетовъ.
Онъ доказалъ ихъ чисто личное свойство
и видѣлъ въ нихъ исторію душевной жизни
Шекспира. На этой сторонѣ и настаивалъ
онъ особенно, справедливо полагая, что
сторона эта — самая цѣнная для насъ. Во-
просу о воспѣваемыхъ лицахъ онъ не при-
давалъ значенія, говоря, что и въ драмахъ
поэта насъ интересуютъ не то, что онъ
взялъ у другихъ, а что извлекъ изъ себя. Въ
этомъ же смыслѣ высказывались впослед-
ствіи Суинбернъ и Россети.

Но загадка, кто были юноша и черно-
волосая женщина, внушившіе сонеты, все
же не давала покоя изслѣдователямъ. Что-
бы объяснить таинственныя буквы W. H.
посвященія книги, были выдвинуты двѣ
кандидатуры: Вильяма Герберга графа
Пемброка и Генриха Вриотелея графа Соут-
гамптона. Оба «кандидата» имѣли рѣши-
тельныхъ защитниковъ. Доводы сторонни-
ковъ Соутгамптона не выдерживали крити-
ки. Объясненія сторонниковъ Пемброка бы-
ли правдоподобны. Въ числѣ пемброкистовъ
были знаменитый театральныи критикъ
Арчеръ и въ самое недавнее время — Георгъ
Врандесъ. Въ черноволосой женщинѣ почти
всѣ изслѣдователи видѣли придворную да-
му двора королевы Елисаветы, Марію Фи-
тонъ. Сонеты обнимаютъ три года време-
ни, въ промежуткѣ между 1590 и 1605
годами. Но какіе именно эти годы? Если от-
нести ихъ къ началу этого періода, Пем-
брокъ былъ слишкомъ молодъ. Если къ
концу, — Соутгамптонъ слишкомъ старъ. Та-
кимъ образомъ соутгамптонисты считали
этимъ годами 1590—93, а пемброкисты —
1598—1601. Раннее происхожденіе сонет-
овъ въ творчествѣ Шекспира доказываетъ-
ся главнымъ образомъ ходомъ мысли въ
нихъ и выраженіями, характеризующими
начальное творчество поэта. Но и противъ

Студенты корпорации Борусія Боннского университета, въ которую записанъ послѣдній германскій принцъ,
въ «кнейлѣ» своего дома.

этого вооружились авторитетные судьи, например Дауденъ. Авторъ разсматриваемой нами статьи Филонъ также считает союзы продуктомъ болѣе длиннаго періода времени; по его мнѣнію, сонеты Шекспира — это исторія мысли, а не чувства, отголоски нравственной и поэтической эволюціи великаго ума и духа.

Филонъ ставитъ шекспировы сонеты въ ихъ настоящую среду, въ условія его времени, взглядовъ и поэтическихъ приемовъ. Онъ говоритъ о философіи Шекспира, чисто пантеистической, чуждой христіанству, сближающей лирическія стихотворенія поэта съ произведеніями итальянскихъ сонетистовъ, у которыхъ сонетъ былъ не столько автобиографическимъ признаніемъ, крикомъ страсти, сколько урокомъ философіи, нравственнымъ положеніемъ въ символической формѣ. Отъ созерцанія вещественной красоты поэты того вѣка переходятъ къ обладанію неуязвимой и безсмертной красотой, которая есть вѣчная истина, лицо божества. Философія любви страхи сонетистовъ вытекаетъ всецѣло изъ ученія Платона. Любовь зарождается отъ созерцанія физической красоты и приготавливаетъ насъ къ поклоненію красотѣ духовной, отъ которой она никогда не должна быть отдѣлена. Отсюда преимущество, отдаваемое передъ любовью дружбѣ, которая выше любви, какъ душа выше тѣла. Сонеты Шекспира къ другу, вдохновленные конкретнымъ лицомъ и образомъ, приобретаютъ значеніе чисто метафизическое.

Такимъ образомъ, въ сущности, въ этихъ загадочныхъ сонетахъ воспѣваются и описываются мужчина и женщина вообще, или любовь чистая и любовь физическая. Отъ этой безличности сонетовъ происходитъ удивительное разнообразіе ихъ настроеній, смѣняющіяся, противоположные отбѣлки, чувства и мысли этихъ пьесъ, гдѣ авторъ изъ пламеннаго юноши переходитъ постепенно въ ироническаго и разочарованнаго старца.

Творецъ сонетовъ — великій реалистъ. Другъ и возлюбленная открыли ему человеческое сердце въ его высокихъ порывахъ и мелкихъ сторонахъ, въ возвышенномъ великодушіи и въ измѣнѣ. Одинъ и тотъ же человѣкъ является передъ нимъ и въ рыцарской доблести и въ низкомъ эгоизмѣ. Въ галереѣ его драматическихъ типовъ человѣкъ проходилъ той же разнообразной вереницей. Когда другъ и возлюбленная, воспѣтые имъ, обманули его, поэтъ узналъ уже ихъ насквозь. Онъ простилъ ихъ, а прощенье есть уже равнодушіе. Женщина не стояла ненависти, а другъ не стоилъ любви...

Вотъ о чемъ говорятъ сонеты Шекспира. Начатые въ юности, они рисуютъ поэта лицомъ къ лицу съ жизнью, съ очами уже устремленными къ печальному выводу. Стихи эти освѣщаютъ духовную жизнь поэта болѣе, чѣмъ реальную его судьбу. Отъ Ромео они ведутъ къ Гамлету и заставляютъ предчувствовать Просперо. Разсматриваемые такимъ образомъ, сонеты становятся дѣйствительно исповѣдью Шекспира.

В. Г.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ РУССКОЙ СЕСТРЫ МИЛОСЕРДІЯ ВЪ ТРАНСВААЛѢ.

(Окончаніе)*.

Комисаріатъ доставилъ намъ необходимыя палатки, довольно плохого качества, конечно не шедшія въ сравненіе съ усовершенствованными предметами, вывезенными амбуланціей изъ Европы. Въ лучшей изъ палатокъ было устроено нѣчто въ родѣ операционной, а также складъ лекарствъ и перевязочнаго матеріала; тамъ же ночью устраивался докторъ, по недостатку другого защищеннаго мѣста. Другая палатка побольше была отдана подъ больныхъ и наконецъ послѣдняя, смеж-

ная, намъ, сестрамъ. Кафры кое-какъ устранились въ эти свѣжія ночи подъ повозкой, около того мѣста, гдѣ днемъ, закрытая кустами, находилась наша кухня, т. е. попросту желѣзная рѣшетка одного изъ разрушенныхъ домовъ Фортинстрима, приподнятая на четырехъ разряженныхъ бомбахъ, поставленныхъ стоймя. Здѣсь какъ на плитѣ устанавливались наши костюлы и чайники. Широкая доска, тоже изъ бывшаго ставеннаго дома, укрѣпленная на двухъ многоводный источникъ, и туда ежедневно одинъ или два раза ѣздили на цинковымъ ящикомъ — tank (мѣстнымъ хра-

«РИТА» («МИЛОСЕРДІЕ»). Мраморная группа Романи.

самомъ припекѣ, такъ какъ мы не могли позволить себѣ роскоши столовой палатки, деревья же представляли въ этой мѣстности величайшую рѣдкость, такъ что служили прямо маяками по однообразному безконечному фельду. Около нашей стоянки не оказалось ни одного, да и вообще здѣсь они мало тѣнисты. Приходилось мириться съ этимъ неудобствомъ и радоваться, что догадались еще взять изъ дома нѣсколько стульевъ, такъ что за этимъ импровизированнымъ столомъ можно было сидѣть сколько-нибудь удобно.

Главнымъ недостаткомъ нашей стоянки,

какъ и всѣхъ вообще расположенныхъ въ этой мѣстности лагерей, былъ недостатокъ воды, такъ какъ, несмотря на названіе мѣстечка Фортинстримъ, — по-голландски Фортинстраменъ — «14 источниковъ», — мы этихъ источниковъ такъ и не видали, кромя одного полусухого колодца, которму по разнымъ причинамъ нельзя было пользоваться. Милыхъ въ 3—4 отъ нашей ночной стоянки, за предѣлами мѣстности, занятой лагерями, былъ хорошій многоводный источникъ, и туда ежедневно одинъ или два раза ѣздили на цинковымъ ящикомъ — tank (мѣстнымъ хра-

воду мы сначала совершенно отказывались; но когда внослѣдствіи англичане надумались обстрѣливать дорогу, по которой ѣздили за ключевой водой, намъ поневолѣ пришлось помириться съ неизбежностью. Но даже и тогда, когда «танкъ» благополучно совершалъ свое путешествіе, одной изъ насъ съ черными почти ежедневно приходилось отправляться въ артиллерійскій лагерь для мытья бѣлья, что мы дѣлали, черная ведрами воду въ лаханъ, чтобы своей стиркой не отравить еще болѣе и безъ того сомнительную воду. Полагаю, что буры были на этотъ счетъ менѣе аккуратны. Во всякомъ случаѣ тутъ же топились и пили всѣ лошади, мулы и быки окрестныхъ лагерей, и здѣсь же иногда разрывались предназначенные артиллерістамъ лѣдяные снаряды, засыпая воду осколками, окрашенными въ воючий порошокъ. Понятно, что принужденные крайностью употреблять эту воду для питья, мы дѣлали это не иначе, какъ прокипятивъ ее и въ видѣ слабого чая, чтобы замаскировать ея цвѣтъ. Но отъ окружающихъ насъ буровъ было невозможно добиться этой предосторожности — кипяченія — и ужасная вода конечно была причиной не одного заболѣванія, особенно въ расположенномъ близъ нея артиллерійскомъ лагерѣ.

Другое неудобство лагерной жизни, отъ котораго мы были избавлены до перекочевки въ поле, это ночной холодъ начинавшійся тогда въ Трансваалѣ зимняго времени. Низкая температура, наступающая тотчасъ по заходѣ солнца, особенно чувствительная по контрасту съ очень сильнымъ дневнымъ зноемъ, сопровождается обильной и страшно холодной росой, пронизывающей насквозь всякіе платки и одеяла, кромѣ благодатной бурки, по счастью захваченной мною изъ Россіи. Польза бурки особенно сказывалась во время ночныхъ дежурствъ, когда по недостатку мѣста въ больничной палаткѣ часто приходилось проводить ночь на открытомъ воздухѣ, вытянувшись на лазаретныхъ носилкахъ, чтобы не лежать или сидѣть прямо на землѣ.

Благодаря всѣмъ этимъ неудобствамъ мы не разъ пожалѣли о нашемъ станціонномъ домикѣ, тѣмъ болѣе, что предположеніе о перенравѣ англичанъ въ той мѣстности такъ и не оправдалось, опасность же отъ канонады оказалась гораздо болѣе въ нашемъ новомъ положеніи. Причина этому была вѣроятно въ томъ, что наши палатки, отнесенныя на значительное разстояніе отъ неприятеля, но не за линію его прицѣла, смѣшались для него съ находившимися неподалеку палатками главнаго лагеря; флагъ же на этомъ разстояніи былъ плохо или совсѣмъ не виденъ, хотя нѣкоторые встрѣченные внослѣдствіи военные европейцы увѣрили меня, что въ хорошую подзорную трубу съ подъемнаго шара (ихъ всегдашній способъ наблюденія) эта ошибка была совсѣмъ немислима. Какъ бы то ни было, въ новомъ положеніи пункта обстрѣливались раза 2—3 уже въ всякаго сомнѣнія мы лично, и если бы не плохой прицѣлъ англичанъ, стрѣльба эта не могла бы обойтись такъ счастливо. При ихъ же системѣ давать сначала недолетъ шаговъ на 100, затѣмъ такой же перелетъ, и только выпустивъ зарядовъ 6 вокругъ вась по разнымъ направленіямъ начать пристрѣливаться уже на дѣйствительно опасное разстояніе, мы всегда, до десятого выстрѣла, уже дѣйствительно очень близкаго, успѣвали благополучно спустить палатки или закрыть ихъ темными одеялами и брезентами, чтобы скрыть отъ неприятеля привлеченія его вниманіе бѣлыми точками; послѣ чего онъ благополучно переносилъ свою стрѣльбу на другой замѣченный имъ пунктъ. Жертвъ этой стрѣльбы однако было очень мало, и хирургическіе случаи продолжали у насъ почти отсутствовать. Въ краткое посѣщеніе насъ начальникомъ отряда д-ромъ фанъ-Леерсумомъ, о которомъ я не распространялась, такъ какъ на ходѣ дѣла въ амбуланціи онъ не имѣлъ никакого вліянія, д-ръ Веберъ заявилъ ему, что въ виду окончанія срока

* См. № 9085 «Новаго Времени».